

Д.А. Теплых

КОНЦЕПЦИИ ПРЕДМЕТНОСТИ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В исследованиях по проблеме предмета психологии необходимо вывести мысль на предмет и действительность совсем другого рода, нежели содержание предмета психологии – на мыследеятельность по формированию понятия предмета психологии. Можно выделить три смысловых контекста, способа понимания предмета психологии: 1) онтический (psyche, «психическое бытие»); 2) онтологический (онтологическая картина psyche, «психическая реальность») и 3) эпистемологический (теория psyche, «психологическая реальность»). Концепция предметности психологии – это система конструктивных принципов мыследеятельности по построению способа понимания предмета психологического знания и познания, определяющих возможность психологии как науки. В рамках классической концепции предметности психологии происходит отождествление онтического и онтологического предметов психологии. В неклассической концепции предметности психологии становится возможным различие онтического и онтологического предметов психологии. В постнеклассической концепции предметности психологии на место науки (logos) встает искусство, мастерство (techne); происходит выделение нового предмета психологии как психотехнической теории.

Ключевые слова: способы понимания предмета психологии: онтический, онтологический, эпистемологический; концепции предметности психологии: классическая, неклассическая, постнеклассическая.

Вопрос из зала: Чем Вас не устраивает предмет психологии, почему Вы настаиваете на его изменении?
Г.П. Щедровицкий: Потому что никакого предмета у психологии нет, и предмет этот надо еще построить. Когда вы его методологически строго построите и сможете претендовать на то, что манипулируете не предрассудками, а чем-то критически проанализированным, то мы с вами этот предмет будем обсуждать [33, с. 14].

1. Пролегомены ко всякой психологии, могущей явиться как наука

Сегодня в среде психологов, склонных к философствованию и методологической рефлексии, стало уже

тривиальным утверждение о когнитивном кризисе психологии, который носит, по всей видимости, перманентный характер [35]. Симптоматика кризиса теоретико-методологических основ психологии, увы, хорошо известна любому вдумчивому психологу со студенческой скамьи: отсутствие единой психологической науки, «мозаичность» психологии; нерешенность вопроса о ее предмете и методах, обилие альтернативных, несопоставимых моделей понимания и изучения психического и т.д. Многие исследователи указывают на то, что центром, вокруг которого сосредоточиваются кризисные явления, является проблема предмета

психологии¹. Отмечается, что осмысление кризисных явлений, связанных с предметом психологии, невозможно без философско-методологической поддержки, деятельности психологов в сфере «философской психологии» (см. [8; 13; 26]).

Вместе с тем анализ обсуждений и публикаций по проблеме предмета психологии обнаруживает, что их львиная доля сосредоточена на проблеме *определения* предмета психологии, т.е. конституируется вопросом: *что* является (или должно являться) предметом психологии? Ход мыслей авторов в данном случае идет путем раскрытия содержания понятия «предмет психологии» и путем замены его другим понятием по типу «предмет психологии — это...» (психика, душа, сознание, личность, деятельность, отношение, мир внутренней жизни человека и т.д.) и представлением той или иной его трактовки, интерпретации.

Отнюдь не умаляя значимость подобных исследований и обсуждений, хотелось бы обратить внимание на то, что в подобных случаях происходит подмена объекта рефлексии — им становится не само понятие «предмет психологии», а совсем другое понятие, содержание которого и раскрывается в акте авторской интерпретации. Иными словами, априорно принятая авторская интенция вынуждает «перепрыгивать» через *само понятие* предмета психологии. Когда же интенция мысли сможет «удержаться» на нем, то речь пойдет не об определении содержания предмета психологии (что?), а об осмыслении *способов* нашей мыследеятельности по формированию предмета

психологии (как?) — способов *предметизации* психологии. В этом случае понятие предмета психологии выступает как *форма* нашей мыследеятельности — организующе-направляющая целостность, которая впоследствии может наполняться тем или иным *содержанием* (другими понятиями, их трактовками, «точками зрения»).

Здесь происходит смена объекта рефлексии: необходимо вывести мысль на предмет и действительность совсем другого рода, нежели *содержание* предмета психологии — на собственно психологическое мышление, его структур-целостностей, на деятельность по формированию *понятия предмета* психологии, способа его мыслимости. Это предполагает уход от содержательно-теоретико-познавательной области психологического мышления, выход в философско-методологическую позицию «внеаходимости» к самому этому мышлению.

В связи с этим под *концепцией предметности психологии* следует понимать ведущий замысел, систему конструктивных принципов мыследеятельности по построению способа понимания предмета психологического знания и познания, определяющих возможность психологии как науки. Таким образом, исходным для концептуально-предметизирующей рефлексии становится не вопрос «*Что* изучает психология?», а вопрос «*Как возможна* психология, обладающая своим предметом?». Попробуем ответить на него прежде всего в семантико-смысловом контексте.

Как показывает простейший семантический анализ термина «психология», возможность существования психологии содержит в себе необходимое «присутствие» двух смысловых моментов: а) идеи *psyche* (психического); б) идеи возможности знания о *psyche* (logos). В основе

¹ «Представляется, — пишет В.А. Мазилев, — что проблема предмета сейчас центральная для психологии. Причем необходимы не только конкретные исследования, обсуждающие ту или иную трактовку предмета, но разработка собственно концепции предмета» [15, с. 222].

данного разделения лежит идея о том, что в знании всегда сохраняется его основная двойственность — различие между самим предметом («то, о чем мы говорим») и содержанием знания о нем («то, что мы о нем говорим»): мы имеем что-то в виду, мы думаем о чем-то, и об этом предмете мы что-то знаем и высказываем. «Всякое суждение, — отмечает С.Л. Франк, — заключает в себе указание на неопределенный предмет, на который оно направлено, и на содержание, которое оно вскрывает в предмете и которым его определяет» [29, с. 58].

Дальнейший ход нашей мысли в этом направлении обнаруживает, что само понятие предмета психологии скрывает за собой три мыследеятельностные целостности, три наиболее общих смысловых контекста его понимания: 1) онтический; 2) онтологический и 3) эпистемологический. Поясним это.

Онтический² предмет психологии: «сущее психического». Предельным основанием возможности психологии является исходная, базовая идея *psyche* (ψυχή, «психэ», «психическое»), которая в онтическом смысле является фундаментальным допущением о том, что нечто, обозначенное термином «*psyche*», есть несомненно-сущее — «сущее психического». Психолог, коль скоро он поставил себе задачу создания психологии,

должен, прежде всего, ответить на вопрос: «А существует ли нечто, обозначенное термином “*psyche*”?». Положительный ответ на него в некотором смысле предreshен, т.к. в противном случае нет смысла дальнейшего разговора о психологии: ведь не может же наука изучать нечто-не-сущее (ничто).

Зафиксированное в экзистенциальном предложении «*psyche* есть», «сущее психического» мыслится в своей собственной, внутренней сущности, как само-по-себе-и-в-себе-определенное, как абсолютная полнота содержательности, которая противопоставляется любому отвлеченному от него содержанию знания о нем, т.е. представляется существующей независимо от того, что в ней познано или выявлено, в качестве содержания знания, а значит, до и вне всякого познавательного отношения со стороны субъекта знания и познания как психическая жизнь человека во всей ее полноте. Таким образом, в онтическом понимании идея *psyche* несет в себе *внешнепознавательный* смысл.

В онтическом контексте *psyche* есть сущее, еще не «обремененное» содержанием знания о нем, т.е. утверждается лишь тот факт, что психическое *есть* «естьность», «вот-бытие» психического, но еще не его «чтойность», «так-бытие», «*что* оно есть». «Познание, — отмечает Н. Гартман, — имеется лишь о том, что для начала “есть”, а именно — “есть” независимо от того, познается оно или нет» [5, с. 105]. По замечанию С.Л. Франка, на *psyche* мы можем лишь *указать* как на то, «что обычно зовется душевной жизнью и в чем, вне всяких теорий, мы сознаем какую-то особую, своеобразную область бытия» [29, с. 454]. Онтическое понимание предмета психологии не подлежит дефиниции, оно всегда остается и должно оставаться неопределенным,

² Терминологическое различение «онтического» и «онтологического» восходит к феноменологической традиции философствования (М. Хайдеггер, Н. Гартман и др.), где «онтический» относится к *сущему*, а онтологический — к *бытию* этого сущего (по М. Хайдеггеру, «бытие сущего само не “есть” само сущее» [31, с. 6]). Термином «онтический» схватывается «сущее как сущее», «вот-бытие» (Н. Гартман), которое «существует безотносительно к тому, познано оно или нет, познаваемо или непознаваемо» [5, с. 211], т.е. существует до коррелятивного субъекту *logos'a*, знания о нем.

как «некое последнее, которое как таковое не может быть определено ближе» [5, с. 105].

Онтическое понимание предмета психологии мы обнаруживаем в текстах психологов под разными терминологическими оболочками: его обозначают «реальным предметом психологии», самой «местностью психического», «псюхэ» [10], «абстрактным пониманием предмета психологии как психики» [8], «официальным» или «декларируемым» предметом психологии [12].

Онтологический предмет психологии: «психическое бытие». Вместе с тем, когда в понятии психического мыслится то, что «психическое есть, существует», то «сущее психического» охватывает слишком многое, чтобы обладать какой-то определенностью в системе знания. Поэтому первую определенность психическое получает в качестве бытия и выражается в понятии «*психическое бытие*».

Иными словами, исследователь должен ответить на вопрос: «*Что есть psyche*, помимо того, что она *есть*?» Для обнаружения «чтойности», «так-бытия» *psyche* психолог строит «онтологическую картину *psyche*» («объемлющую онтологию» [34], «дисциплинарную онтологию» [27], «феноменологический эйдос» [12]), которая задает обобщенное видение предмета психологии.

Онтологическая картина *psyche* представлена как концептуально оформленное знание о *psyche* (психической жизни) в виде фундаментальных суждений о природе психического. Это уже не «местность психического» (псюхэ), а «карта психического» [10, с. 202]; не «декларируемый», а «рационализированный» предмет психологии, «та или иная трактовка психэ» [15, с. 223]; не «абстрактное понимание предмета психологии как психики», а «его конкретная

экспликация», «реальное определение предмета психологии», «выяснение сущностного содержания психического, исследование того, чем оно является по своей сути» [8, с. 137–138].

В онтологической интенции мышление оперирует категориями не как категориями самого мышления, а как категориями самого бытия, т.е. описывает *psyche* «как она есть на самом деле», т.е. «там, где смысл предмета самооткровенен во всех своих проявлениях» [12, с. 191]. Поэтому онтологическая работа предполагает наличие особой позиции *субъекта знания* — «субъекта, знающего о *psyche*», т.е. «знающего о знании или имеющего позицию, в которой может быть по отношению к некоему знанию установлена его истинность» [34, с. 33]. Этот субъект полагает объект-представление («эйдос», «картину» *psyche*), который «уходит в онтологию или в метафизику, то есть в некую совокупность аксиом, задающих способ оценки знаний» [34, с. 32].

Онтологическая картина *psyche* строится, таким образом, в системе «субъект знания о знании — объект (предмет) знания» и представляет собой область *знания*, а не познания — *знаемую* (а не познаваемую) реальность. С помощью онтологической схемы субъект знания задает, а не познает объект: «Схема задает, а не описывает новый объект; полученные на схеме знания приписываются этому объекту, конституируя его» [25, с. 28–29]. При этом субъект знания задает его не для себя самого, а для субъекта познания, для дальнейшего превращения его в объект познания в эпистемологической плоскости «субъект познания — объект (предмет) познания».

Таким образом, онтологический предмет психологии есть результат процесса объективации «сущего *psyche*» в

«психическое бытие». И здесь важно провести терминологическую грань между понятиями «объектное» и «объективное». «Объектное бытие» — это *знаемое бытие*, полагаемое субъектом знания как не зависимое от процесса его познания, т.е. как категориальная форма, в которой в рамках отношения познания заявляет о себе «сущее как сущее» (онтический предмет психологии); в этом смысле объектное для субъекта знания есть «в-себе-бытие» (*psyche* «как она есть на самом деле»). «Объективная реальность» — это *познавательная реальность*, возникающая как идеальный объект-представление, онтологическая картина психе в сознании субъекта знания, предназначенная для познавательного отношения с позиции субъекта познания.

Эпистемологический предмет психологии: «психологическая реальность». «Психическое бытие» в эпистемологическом понимании становится «*психологической реальностью*», т.е. *психологически познаваемой реальностью*, объективной реальностью. Здесь происходит конструирование субъектом познания конкретных психологических знаний в рамках онтологической картины *psyche*: у субъекта познания есть возможность продвигаться по пути получения все более детальных знаний о некоторых конкретных «сконструированных идеальных объектах и фиксирующих их начал (понятий)» [25, с. 175], предположенных с самого начала в рамках онтологической схемы *psyche*; в этом смысле все объекты заданы, но не даны познающему, и могут быть им открыты в процессе исследования. При этом любой объект психологической реальности существует в определенном пространстве, которое соотносено с онтологической картиной *psyche*. Идет параллельное выкладывание: нет объекта вне онтологического

пространства, нет пространств, которые внутри себя не порождают некий тип объектов [34].

Если в онтологическом контексте происходит «выделение определенной области изучения (рода)» [25, с. 175], то в эпистемологической плоскости происходит «построение идеальных объектов и фиксирующих их понятий («начал»), сведение более сложных случаев, принадлежащих данной области изучения, к более простым, фактически же, к сконструированным идеальным объектам» [25, с. 175]. В психологической реальности реализуется «теоретическая реконструкция психического как системы, адекватной реальности психического», «понятийная репрезентация психики в научной теории» [8, с. 137–138]; полагание «реальных предметов психологии» [15, с. 223], т.е. того, что в действительности подлежит изучению, что предполагает «соотнесение объекта науки (*онтологической картины psyche* — Т. Д.) с методом, исследовательской задачей и другими составляющими научной деятельности» [26, с. 276, 283].

Таким образом, в эпистемологическом контексте предмет психологии понимается как «психологическая реальность» — категориально-понятийная репрезентация онтологической картины *psyche* в психологической теории (в виде сконструированных идеальных объектов, понятий), соотношенная с особенностями научно-познавательной деятельности по получению знаний: методами, нормами и идеалами научности.

Итак, мы выделили три основных контекста понимания предмета психологии, лежащие в основании ответа на вопрос «Как возможна психология, обладающая своим предметом?» Как представляется, выстроенная нами семантическая модель предмета психологии станет

своеобразным «инструментом», той «призмой», которая позволит через различные варианты соотнесения ее составляющих, их взаимосвязи выявить различные концепции предметности психологии.

2. Классическая, неклассическая и постнеклассическая концепции предметности психологии

Можно ли выявить или хотя бы наметить общую логику развития способов понимания предмета психологии, не оправдываясь «мультипарадигмальностью» и своеобразием различных подходов? Для этого мы должны из сферы теоретических исканий психологической науки, описывающей особенности отдельных подходов к определению предмета психологии, перейти в область общей теории развития науки в рамках *философской методологии научного мышления*, рассматривающей, на каких неявных допущениях строятся те или иные системы психологического знания.

Чтобы говорить о развитии понимания предмета психологии, необходимо наметить систему координат, относительно которой можно было бы усмотреть определенную направленность. В качестве такой системы можно использовать принятое в современной философии и методологии науки выделение трех идеальных типов методологии или типов рациональности – классической, неклассической и постнеклассической – и представление о том, что эволюция науки связана с переходом от одного типа рациональности к другому (см. [27; 28]). Представляется, что экстраполяция на материал психологической науки философско-методологического опыта, накопленного в этой области, позволит обнаружить искомую логику развития и обогатит наши представления о возможностях психологии.

Следует отметить, что каждый тип научной рациональности характеризуется особым состоянием научной деятельности (схематично ее можно представить как отношение «субъект познания – средства познания – объект (предмет познания)»), направленной на постоянный рост *истинного знания*³.

Классическая концепция предметности психологии в аксиоматику гносеологической ситуации полагает *императив бессубъектности* научного познания, который предписывает при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности; такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о *psyche* (постулат «самопрозрачности» субъекта). Сознание познающего субъекта должно быть предварительно «пустым», не заключать в себе никакого предрассудочного знания о познаваемой реальности: все субъективное должно быть удалено из содержания и обоснования знания; точка начала координат, в которой находится исследователь, его социальная позиция абсолютно «прозрачна», не имеет собственной плотности.

Познавательное отношение субъекта определяется *принципом отражения*: «...методология науки есть методология отражения действительности» [4, с. 36]. Отражательная природа познания предполагает абстрагирование от творчески-деятельностной природы субъекта познания (см. [27]): психолог должен занять нейтрально-созерцательную позицию «стороннего наблюдателя» по отношению к

³ «Знание, – справедливо отмечает С.Б. Крымский, – не тождественно любому результату познания, оно определяется в границах пересечения процессов познания и осознания истины... Знание – это право на истину, иногда формальное, но обязательное по установке» [11, с. 77].

объекту-psyche, как бы со стороны обзревающего его, не детерминированного никакими предпосылками, кроме свойств и характеристик самого психического бытия.

В такой позиции происходит отождествление объектного (онтического, бытия) и объективного (онтологического, знаниевой реальности). Онтологическая картина psyche рассматривается не как продукт конструктивно-творческой деятельности субъекта знания, а как «слепок», «результат отражения», «репрезентация», «данность» (а не «заданность») психического бытия в сознании познающего субъекта.

Возможность получения истинных знаний о psyche в рамках классической рациональности заключается в понятии *объективности* знания, основанного на принципе *объектной объективации знания*: знание должно быть абсолютно «объективным», т.е. должно быть построено «из объекта» (psyche), который отграничен от познающего субъекта, выступает как некая психика, существующая объектно вне зависимости от ученого-психолога. Онтологическая картина psyche (объективная реальность) мыслится как «объектное знание», т.е. как отображение в сознании субъекта внеположенного ему психического бытия⁴, в котором *объективность* знания о psyche детерминирована и легитимирована не особенностями самого субъекта, а «диктатом» со стороны *объектного (онтического) пси-*

хического бытия; это приводит к тому, что в мышлении психологов происходит, «овеществление, онтологизация теоретических конструктов... в результате того, что ученые путают... карту реальности с самой реальностью или... съедают меню вместо обеда» [32, с. 26–27].

Гарантом получения объективно-истинного знания о psyche в классической концепции является допущение в гносеологическую ситуацию определенной *идеализации познающего субъекта* – «абсолютного наблюдателя» как *единственно-адекватно-отражающего субъекта познания*: фактически предполагается некоторая привилегированная (и в этом смысле – единая и абсолютная) система отсчета – такая, что перенос знания из одного индивидуального сознания в другое покоится на реконструкции одного единого (или самоидентифицированного) субъекта по всем точкам этого поля (см. [17]).

Классическая наука, таким образом, держится на идее *трансцендентной субъектности*, т.е. априорном допущении существования некоего *абсолютного трансцендентного субъекта* как условия возможности объективного познания (см. [18, с. 8]). Эта идея вводится допущением некоторого неопределенного, безусловного «метасознания» абсолютного субъекта, некой «интегральной познавательной способности всего человечества, которое одно только и способно осваивать абсолютную истину» [11, с. 77]. В классической науке «метасознание» полагается по сути тождественным с сознанием каждого познающего индивида (индивидуальное сознание наблюдателя является более или менее точной копией метасознания и лишь содержит предрассудки, искажающие образ метасознания). Поэтому в классической науке нет принципиального вопроса о понимании сознания «другого»: здесь

⁴ М.Г. Ярошевский пишет: «Следует различать предмет науки и ее объект. Независимо от познавательных возможностей человека существует психическая реальность. Она и является объектом психологического исследования... предмет психологии – это ее объект, воссозданный (*читай: отраженный* – Т. Д.) в исторически изменчивом категориальном аппарате» [36, с. 530–531].

понимание автоматически обеспечивается идентичностью индивидуальных сознаний разных наблюдателей [19, с. 69].

Отсюда и задача психологического познания — описание феноменов психического бытия такими, какие они есть «сами по себе», причем исключительное право подобного «объективного» взгляда принадлежит именно психологу-ученому, который в силу своей абсолютной позиции обладает своего рода монополией на истину. В методологии классической психологии предполагается, что ученый обладает объективным видением, благодаря наличию у него единственно-правильного научного метода, который является «ключом к истине», а вопрос о том, насколько сам метод может изменять наблюдаемую картину реальности, и чем, кроме соображений целесообразности, обусловлен выбор того или иного метода, обычно не ставится. Психологу в этом случае предписывается опираться только на «научное» знание, т.е. на то знание, которое он извлек из эксперимента, получил путем применения математических методов обработки эмпирических данных, почерпнул из научной литературы, профессиональной коммуникации с коллегами и т.д. Обыденный психологический опыт, «личностное знание» [20, с. 344], субъектом которого является любой человек, в том числе и профессиональный психолог, рассматривается как «ненаучный», лишаящий психологическое знание объективности. Научная психология строго отграничивается от обыденной психологии здравого смысла; психолог как ученый субъект — от всех остальных, «слишком человеческих» субъектов⁵.

⁵ В классическом типе научной рациональности, как отмечает И.Д. Невважай, «чтобы стать субъектом научного познания, человек должен утратить все человеческое в себе и стать бесчеловечным» [19, с. 68].

Высшая цель и ценность научного познания в классическом типе рациональности — *объективность* полученных знаний — понимается в рамках *корреспондентской (дескриптивной) теории истины* (см. [9]), в которой понятие адекватности знания и понятие объективности знания совпадают: истинные знания — это объективные знания, т.е. такие знания, которые соответствуют, адекватны самому объекту (объекту каким он есть «на самом деле»); сущность истины сводится к адекватности как совпадению образа-идеи и объекта-бытия; объективно-истинное знание при этом предстает как адекватный образ-слепок, образ-копия бытия. Объективность психологических знаний рассматривается как соответствие фактам.

При этом мышление психолога в рамках классической рациональности характеризуется *«прямолинейным онтологизмом»* [7]: принципы отражения и «метасознания» предполагают существование единственно верного, адекватно-объективного образа-отражения изучаемого психического бытия, что приводит к допущению существования единственно-возможного истинного представления о *psyche*, «абсолютной карты психического», которая рассматривается как однорефлективный, автономный и конечный источник выбираемых (отображаемых) субъектом научного познания эпистемологических предметов психологии (научных теорий). В классической методологии психологии, таким образом, допускается, что однажды полученный образ сущности психического бытия может быть рассмотрен как единственно возможный; идеал — это создание единственно истинной теории, «фотографирующей» *psyche*.

Неклассическая концепция предметности психологии базируется на *императиве субъектности научного познания*.

Если в классической рациональности происходит самоустранение субъекта из познавательного процесса путем «побега» в позицию абсолютного наблюдателя, то в неклассической рациональности имеет место методологическое усилие по самообнаружению субъектом самого себя: он начинает осознавать принципиальную неустранимость субъективности из акта психологического познания, рассматривает себя уже не как дистанцированного от изучаемого предметно-психического мира, а как находящегося внутри него, составляющим его часть (принцип имманентности бытия субъекта познаваемой реальности).

В неклассической психологии начинают осмысливаться корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается *psyche*: здесь мышление воспроизводит объект-бытие как вплетенный в познавательную деятельность и строит образы *psyche* (онтологии) не как его отображения, а как возможные ответы на *наши* вопросы, содержание которых (ответов) зависит не только и не столько от структуры психического бытия, сколько от нашего способа постановки вопросов – методологии исследования, которая и обуславливает сущность и форму психологической теории.

В основу интерпретации психического бытия полагается *принцип конструктивизма*: онтологическая картина *psyche* рассматривается не как «данный» субъекту знания и познания объект-слепок, а как «заданный», сконструированный самим субъектом объект-произведение, «интерпретационный конструкт», «концептуальная схема» [34]. Предполагается, что представление о сущности *psyche* – это не отображение того, что существует независимо от нас, а «все

лишь наша объективация, т.е. отнесенные нами вне нас, в особую природу (мы ее сами и задаем), в качестве объективно существующих наши собственные познавательные процедуры, модели, знания» [24, с. 77]. Поэтому онтологическая картина *psyche* – это не «копия» *psyche*, а заменяющий «оригинал» психического бытия продукт творческого конструирования психической реальности субъектом знания и познания в определенном языке.

Онтологическая картина *psyche* возникает, таким образом, как продукт *субъективной объективации* – за понятием о сущности *psyche* стоит субъект, творящий это понятие и развивающий его⁶. «Многие психологи, – отмечает В.М. Розин, – думают, что они изучают то, как психика человека устроена на самом деле, в то время как “устройство психики” более правильно понять в качестве объективации их методов научного познания» [24, с. 186].

Вследствие принятых допущений в неклассической психологии происходит различение онтического и онтологического предметов психологии: онтологическая картина *psyche* рассматривается не как объект-слепок-отражение, а как *объект-гипотеза* – *гипотетическая конструкция* о сущности психического.

По замечанию И.Н. Карицкого, «необходимо постоянно различать понятие о психическом («онтологическую картину *psyche*» – Т.Д.) и реальность, которую мы пытаемся обозначить этим понятием («психическое бытие» – Т.Д.)...

⁶ «В когнитальном или рефлексивном сознании, – пишет М.К. Мамардашвили, – мы одновременно ухватываем предмет в той мере, в какой мы вместе с ухватываемым или мысленно видимым предметом ухватываем и те акты или ту схему, посредством которой этот предмет давался сознанию. Такая рефлексивная процедура определяет наши возможности объективации» [17, с. 17].

наше понимание психического... является не более чем предположением о том, чем является психическое, даже если это понимание оформлено в виде теории» [8, с. 140].

В неклассическом типе мышления психологические знания не рассматриваются больше ни как отражение реальности один к одному, ни как простое описание опытных данных, но, в первую очередь, как идеализация, рационализация, упрощение, которое вычленяет лишь один из возможных способов освоения *psyche*. Поэтому для неклассического типа рациональности в психологии характерен принцип *онтологической скромности* [7, с. 88], согласно которому познание фактически утрачивает онтический предмет психологии, поскольку ни одна из сконструированных онтологических картин *psyche* не может претендовать на проникновение в самобытность психического⁷. В.М. Розин отмечает, что если предмет психологии рассматривать как объективации субъекта знания и познания, «то вообще нельзя будет ответить на вопрос о природе психического» [24, с. 77]; целесообразней говорить «о категориальных или понятийных координатах изучения человека..., понимая при этом, что разные подходы будут создавать свои координаты, что координаты это не объект, а способ его представления, что современные способы мышления и действия будут влиять на построение таких координат» [21, с. 33].

Если представление о сущности *psyche* в познании предстает не как образ-слепок, но как объект-гипотеза, а затем объект-концепция, то иначе видится и понятие «истина», являющееся характеристикой не только знания о бытии-объекте, но и в значительной мере знания о субъекте; не столько «нормой»

получения адекватного отображения объекта, сколько результатом гипотетико-селективной, творческой деятельности субъекта.

В рамках неклассического типа рациональности утверждается принцип *относительной истинности* теорий и картин изучаемого бытия. В противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности («систем координат» [7], «точек обзора» [11]), поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания: однажды полученные образы сущности объекта не рассматриваются как единственно возможные (в иной системе языка, в иных познавательных ситуациях образ объекта может быть иным, причем во всех этих варьируемых представлениях об объекте можно выразить объективно-истинное содержание).

Имманентность бытия субъекта познаваемой реальности изменяет критерии обоснования объективности научного знания. Неклассическая методология предлагает в качестве условия достижения объективности принцип *осознанной субъективности*: познание перестает быть субъективным, когда субъективность рефлектируется, сама становится объектом; если мы не можем иметь абсолютного знания, то, по крайней мере, должны четко обозначать границы наших познавательных возможностей, отдавать себе отчет в том, что объект, как он представлен в нашей

⁷ «Поскольку, — говорит Х.Й. Зандкюлер, — знания имеют статус конструкций и зависимы от контекста и перспективы, то они относительны; их нельзя априори защитить от скептических возражений» [7, с. 86].

теории, в значительной мере сконструирован используемым методом — «системой координат», что научное знание «имеет определенную предикативную силу лишь в рамках достаточно жестких требований к объекту и методу исследования» [23, с. 25], поэтому «создавая научную теорию, стоит помнить о том, что она должна иметь свою сферу применимости, зону «адекватности»» [14, с. 216].

Осознание и объективация различных систем субъективности ставит перед субъектом задачу их интеллектуального согласия, дополнительности, совмещения нескольких «систем координат», «точек обзора»; в науке «возникает своего рода вариативное мышление, которое оперирует со множеством проблемных ситуаций, а задачу выбора единственного, “царского” пути заменяет поиском комплементарности, дополнительности, условий целостности гносеологических результатов» [11, с. 73].

Гарантом получения объективно-когерентных знаний о *psyche* в неклассической концепции является допущение о существовании *трансцендентального субъекта* знания и познания, который мыслится в качестве надличностной, «чистой» субъективности, представляющей универсально-необходимые *формы*, конституирующие возможные миры психологического опыта, онтологии (см. [6, с. 75–76]). Для достижения объективности научного знания ученый должен войти в позицию трансцендентальной субъективности — «отрешиться от самого себя» [6], занять «позицию вневходимости» [1] по отношению ко множеству сконструированных объектов-гипотез, тем самым получив возможность обозреть их целостность и единство.

Постнеклассическая концепция предметности психологии расширяет императив субъективности научного познания,

включая в понятия субъекта его экзистенциально-жизненно-смысловые, ценностно-целевые структуры (*императив экзистенциальной субъективности*), в силу чего происходит окончательное разрушение классического идеала ценностно-нейтрального исследования.

Центральной проблемой, в рамках которой сегодня осмысливает себя постнеклассический тип рациональности в психологии, является вопрос о соотношении теории и практики в психологии. В классической и отчасти в неклассической психологии практика рассматривалась как вторичный «придаток» по отношению к теории, что привело к «схизису» психологии на две социодигмы — теоретическую (академическую) и практическую психологии [2].

В рамках *постнеклассического типа рациональности* в психологии происходит переосмысление идеала научности психологии: на место науки (*logos*) встает искусство, мастерство (*techne*) — «психотехника» как взаимодополнительное единство психотехнической теории и практики, при определяющем влиянии «философии практики» [2; 16].

Постнеклассическая психология вводит новый предмет психологического исследования: наряду с собственно «психологическим» описанием *psyche* (онтологический и эпистемологический смыслы) вводится дополнительная, несводимая и невыводимая из него — «психотехническая» реальность *psyche* [21, с. 33].

В отличие от «психологической реальности», которая представляет собой продукт собственно познавательной активности психолога-исследователя, «психотехническая реальность» есть феномен не познавательной сферы, а сферы «жизнеобнаружения», возникающей в непосредственном общении

психолога с тем человеком, к которому психолог обращается; это событийно-диалогическая реальность, которая изменяет сам способ существования субъектов общения; изменение способа существования субъекта здесь двоякое: как замышление и как конституирование-жизнеобнаружение, причем не только того, на кого психолог направляет свое внимание, но и самого психолога. В отличие от «психологической реальности», которая представляет собой абстрактно-теоретическое знание о *psyche*, «знание как остановленное бытие, как представление о том, что объективно существует, относительно чего возможно согласие многих, то есть общезначимость» [24, с. 60], «психотехническая реальность» существует как опыт-переживание жизненно-смысловой реальности *psyche* в форме ее символических, художественных описаний, «мифологем» о психической жизни человека, представляющих собой лишь возможность, «способ прохода к чему-то другому, индивидуальному, в этом смысле не общезначимому» [24]; она направлена на получение личностью нового «психологического опыта» (в тренингах, непосредственном общении, «экзистенциальных экспериментах» и т.п.) — такого жизненно-смыслового знания-переживания, которое, по замечанию О.И. Генисаретского, «осваивается невербально, неконцептуально, а духовно-практически» [21, с. 19], тем самым приближаясь к повседневному жизненному и творческому опыту. Психотехническая реальность, по мысли А.А. Пузыря [22], в методологическом смысле есть «виртуальная реальность», поскольку в ней присутствуют феномены, которые в каком-то смысле никогда «не были, не есть и не будут» (М.К. Мамардашви-

ли) — как наличное, как «вещь». Таким феноменом является жизненно-смысловая реальность свободы, поступка [22, с. 155].

Постнеклассическая концепция науки тем, что настаивает не только на имманентности бытия субъекта познаваемому миру, но и на включенности ценностных характеристик познания в определение объекта познания, еще более усугубляет известные уже для неклассического типа рациональности трудности обоснования объективности научного знания, что приводит в конечном счете к отказу от попыток подобных обоснований. В силу различия «психологической» и «психотехнической» реальностей в постнеклассической рациональности в психологии проблема истины как объективности *психологических* знаний оказывается лишенной своей значимости: различные онтологии *psyche*, теории рассматриваются теперь не как объекты-копии, или объекты-гипотезы, а лишь как объекты-мнения, т.е. формы *предпочтения* (личного пристрастия) той или иной позиции в плюралистичной системе различных вариантов личностной (авторской) концептуализации знания.

Постнеклассическая рациональность, таким образом, *релятивизирует* любые теоретические истины⁸, вставая на позицию *онтологического нигилизма* — утверждения принципиального отсутствия какой бы то ни было представленности сущности *psyche* в его онтологической картине или теории, сконструированных субъектами знания и познания. Так, М. Фуко отмечает, что

⁸ В.М. Розин, отмечает, что в гуманитарной науке «объективная точка зрения включает в себя субъективные ценности ученого, а истина не одна, а их столько, сколько работающих теоретических систем» [24, с. 28].

принципиальная незавершенность интерпретации связана с тем, что «...если интерпретация не может завершиться, то просто потому, что не существует никакого “интерпретируемого”... Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию» [30, с. 52, 53].

Употребляя кантовскую терминологию, можно сказать, что постнеклассическая рациональность ограничивает место «теоретического разума», чтобы освободить возможности «практического разума», что четко проведено А.А. Пузыревым в его различении двух концепций интерпретации: 1) «понимания секрета», уничтожающего «тайну» бытия путем рационального сведения неизвестного к уже известному, и 2) «понимания тайны», которое высвобождает «топос» — «правду нашей жизни», где «может произойти, свершиться *событие свободы*», т.е. поступок [22].

Таким образом происходит отказ от идеи объективной истины как высшего регулятива и идеала науки: на ее место встают другие идеи — эффективности (прагматическая концепция истины) и правды (экзистенциальное понимание истины)⁹. В постнеклассическом контексте знание становится истиной не столько путем его приведения в форму, допускающую доказательство его истинности, сколько на пути превращения знания в осмысленное бытие, перевод его в фактуальность опыта и феномен культуры, когда «истина обретается на путях “встречи” бытия и его гносеологических образов, вещей и вещания (в терминологии М.М. Бахтина), жизни и ее ценностной проекции в сознании. В

последнем случае говорят уже о правде как результате перевода истины в принцип жизнедеятельности» [11, с. 76].

В связи с этим в постнеклассической психологии утверждается идея необходимости духовно-нравственного саморазвития психолога для достижения успеха психологического познания — познания истины-правды. Возникает проблема *личной ответственности* психолога за те знания о человеке, его душе, которые он конструирует в теории и внедряет в своей практике — возникает идея и проблема *нравственной психологии*. Проблема ответственности психолога связана с осознанием того факта, что новое знание о психической реальности способно изменять саму эту реальность, душевную жизнь людей: психология способна не только к мифотворчеству, но и к мифовоплощению.

Поэтому постнеклассическая психология указывает на необходимость ценностного самоопределения психолога, которое «предполагает осознанное вхождение исследователя в культурную коммуникацию психологического сообщества» [24, с. 74] и «должно касаться прежде всего предельных целей и ценностей его работы» [21, с. 36]. Предлагается даже переходить к новой эсхатологической парадигме в психологии — «такой методологии, которая бы соотносилась, исходила из представлений о предельных, конечных смыслах бытия человека, его роли и назначения в этом мире» [21, с. 39]. По мнению А.А. Пузырева, новая психология в своих ценностных установках, «должна включиться в поиск Нового человека, причем “нового” с большой буквы, в большом, евангельском смысле этого слова... С этой последней ценностной установкой связан целый ряд радикальных методологических требований, с которыми мы будем подходить к

⁹ А.А. Пузырей говорит, что «квази-этимология “истины”, стало быть, не “о том”, что “есть”, но “для того, чтобы” нечто могло *родиться* в мысли, *начать быть*» [22, с. 159].

психологии, равно как и целый ряд фундаментальных проблем, которые должны быть разрешены при ее построении» [21, с. 37].

* * *

Объем статьи не позволяет нам остановиться более подробно на сравнительном анализе вышеобозначенных концепций предметности психологии. Однако даже вышесказанного вполне достаточно для того, чтобы обнаружить внутреннюю логику развития проблемы предметности психологии. Ведь если под развитием понимать процесс качественных, необратимых, направленных изменений от простого к сложному, то мы обнаруживаем все признаки эволюционного движения психологической науки. Конечно же, представление о *логике развития* психологии является определенной идеализацией, однако подобная идеализация в ряде случаев представляется необходимой, поскольку дает перспективу и критерии для соотнесения между собой различных подходов и точек зрения в проблемном поле современной психологии.

Немаловажным является и то, что психология в попытках решить вопрос о своем предмете в теоретико-содержательном аспекте, и не преуспев в этом, приобрела «комплекс непохожести» на другие науки, «раскачиваясь» между естественно-научной и гуманитарной парадигмами. Парадоксально, но факт — именно этот момент неустойчивости, а лучше сказать — внутренней противоречивости психологии, позволил ей, обратившись к осмыслению своих философско-методологических основ, не только «вписаться» в общую логику развития научной рациональности, но и обогатить на собственном материале философию и методологию науки новым вари-

бельным содержанием, показав, что сами образы науки и понимание рациональности могут быть различными в зависимости от предметной специфики. Может быть, мы действительно стоим у истоков понимания того, что психология является развивающейся Наукой, обладающей собственной логикой развития, которая позволит ей не декларативно, а вполне реально дать название только наступившему XXI веку — Веку Психологии?...

Литература

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
2. *Василюк Ф.Е.* От психологической практики к психотехнической теории // Московский психотерапевтический журнал. — 1992. — № 1. — С. 15–32.
3. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. — 1996. — № 6. — С. 25–40.
4. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса (Методологическое исследование) // Психология: Сборник. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2000. — С. 14–120.
5. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. — СПб.: Наука, 2003.
6. *Дубровский Д.И.* Гносеология субъективной реальности (к постановке проблемы) // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 72–90.
7. *Зандкюлер Х.Й.* Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Философские науки. — 2002. — № 9. — С. 81–90.
8. *Карицкий И.Н.* Методологические основания определения предмета психологии: сущность психического // Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии. — Ярославль: МАПН, 2004. — С. 137–152.

9. *Касавин И.Т.* О дескриптивном понимании истины // *Философские науки.* – 1990. – № 8. – С. 64–74.
10. *Козлов В.В.* Интегративная психология: в поисках целостности // *Труды Ярославского методологического семинара. Том 1: Методология психологии.* – Ярославль: МАПН, 2003. – С. 187–204.
11. *Крымский С.Б.* Истина и мнение // *Философские науки.* – 1990. – № 10. – С. 73–77.
12. *Лосев А.Ф.* *Философия имени.* – М.: МГУ, 1990.
13. *Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. – Ярославль: МАПН, 1998.
14. *Мазилев В.А.* Научная психология: тернистый путь к интеграции // *Труды Ярославского методологического семинара. Том 1: Методология психологии.* – Ярославль: МАПН, 2003. – С. 205–237.
15. *Мазилев В.А.* Научная психология: проблема предмета // *Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии.* – Ярославль: МАПН, 2004. – С. 207–225.
16. *Майков В.А., Козлов В.В.* Ахиллеса пята психологии // *Проблемы психологии и эргономики.* – 1994. – № 1. – С. 5–11.
17. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. – М.: Логос, 2004.
18. *Невважай И.Д.* Свобода и знание. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1995.
19. *Невважай И.Д.* Наука и метасознание // *Метафизические исследования. Выпуск 6: Сознание. Альманах Лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ,* 1998. – С. 62–75.
20. *Полани М.* *Личностное знание.* – М.: Прогресс, 1985.
21. Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии.* – 1993. – № 5. – С. 3–43.
22. *Пузырей А.А.* Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // *Вопросы методологии.* – 1997. – № 4. – С. 148–164.
23. *Розин В.М., Розин М.В.* О психологии и не только о ней // *Знание – сила.* – 1993. – № 4.
24. *Розин В.М.* Психология: теория и практика. – М.: Форум, 1997.
25. *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. – М: Эдиториал УРСС, 2000.
26. *Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // *Труды Ярославского методологического семинара. Том 2: Предмет психологии.* – Ярославль: МАПН, 2004. – С. 276–291.
27. *Степин В.С.* Смена типов научной рациональности // *Синергетика и психология. Вып. 1: Методологические вопросы.* – М., 1999. – С. 112–132.
28. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Философские исследования.* – 2003. – № 8. – С. 5–17.
29. *Франк С.Л.* Предмет знания. Душа человека. – СПб.: Наука, 1995.
30. *Фуко М.* Ницше. Фрейд. Маркс // *Кентавр.* – 1994. – № 2. – С. 51–67.
31. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
32. *Цапкин В.Н.* Единство и многообразие психотерапевтического опыта // *Московский психотерапевтический журнал.* – 1992. – № 2. – С. 5–40.
33. *Щедровицкий Г.П.* Лекции по психологии, читанные в Ростовском университете (фрагменты) // *Вопросы саморазвития человека. Вып. 3. К.,* 1991. – С. 3–32.
34. *Щедровицкий Г.П.* Онтологии и картины мира (методологическая дискуссия) // *Кентавр.* – № 23. – 2000. – С. 28–36.
35. *Юревич А.В.* Системный кризис в психологии // *Вопросы психологии.* – 1999. – № 2. – С. 3–11.
36. *Ярошевский М.Г.* История психологии. – М.: Мысль, 1985.